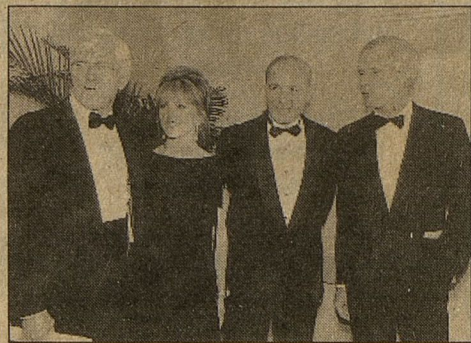

22.08.93

Познер В.

ВЛАДИМИР ПОЗНЕР

Владимир Познер с Филом Донахью, его женой Марло Томас и Тэддом Тернером.

С журналистом Владимиром Познером беседует корреспондент «МН» Марина Подзорова.

С Познером трудно делать интервью. Кажется, он открыт и в диалоге активен, на вопросы отвечает охотно, в дискуссию вступает привычно. Шутит. Однако складывается впечатление, что ты снимаешь только верхний слой, а нечто самое главное так и остается «за кадром». И — при всей знакомой зрителям раскованности — он никогда не расслабит узел галстука, даже если галстука на нем нет, а есть джинсы и спортивная майка.

МН: Вы работаете в Америке почти два года, приезжая в Москву на летние «каникулы». Что вам бросилось в глаза на этот раз?

— Вылезло то, что всегда было правдой, но было не видно. А именно — мы в значительной степени все-таки «третий мир», развивающаяся страна. Это трудно объяснить, но если вы бывали в «третьем мире», то узнаете эти характерные элементы. Какое-то ощущение хаотичности. Что-то происходит, бурлит — такое броуновское движение. Что-то сталкивается, отскакивает друг от друга, какой-то дым, что-то вырастает, какие-то здания, кажется, дунешь, и все это упадет, потом опять вырастет. Ничего не отстоялось, — даже потоки движения, все перескакивают из ряда в ряд... В конечном счете все это движется к тому, что сейчас принято называть цивилизованным миром, — больше просто не к чему. Другой вопрос — когда это будет. Я думаю, через пару поколений. Всекие мечты о том, что это случится через пять лет, очень наивны. А мы уже были наивны, достаточно.

МН: Вы провели встречу со зрителями на Московском телеканале. По-моему, вам пришлось давать элементарные ответы на элементарные вопросы. Может быть, диалог с иной аудиторией сделал бы передачу более интересной?

— Я нахожу странным некоторый снобизм журналистов по отношению к тем, для кого они пишут, — к пресловутому народу. У меня в студии были обыкновенные люди, и мне они всегда интересны. Мне легко отвечать, потому что над этими «элементарными», как вы говорите, ответами я очень долго думал. Так называемые простые вопросы на самом деле совсем не простые. Я очень глубоко переживал их, потому что сам искал свой путь и где-то продолжал его искать. Смысл всего, что происходит. Вообще смысл того, зачем я здесь. И все это — для чего? Во имя чего эти бесконечные драки, войны, споры?

МН: Мне кажется, у вас очень развиты патерстские наклонности. Но я всего-навсего имела в виду аудиторию, которой бы не приходилось объяснять, что частная собственность — это хорошо.

— На мой взгляд, сегодня большинство еще не уверено в этом. Особенно, когда частная собственность становится реальностью, и выясняется, что у кого-то есть, а у тебя — нет. У многих возникает агрессивность по отношению к тем, у кого есть. (Кстати, я не убежден,

Моск. новости - 1993. 22 авг. - с. 36

С женой Екатериной.

„Мне нравится говорить с теми, кто представляет большинство“

что частная собственность — хорошо, скорее — это неизбежно.) Так что я не стремлюсь к элитарной передаче, — мне нравится говорить с теми, кто представляет большинство. Хотя, наверное, если бы аудитория оказалась острее, не то чтобы тоныше, но больше знающей, — было бы интереснее.

МН: Почему же такие люди к вам не приходят?

— Не знаю. Может быть, им со мной неинтересно. Может быть, они ждут, чтобы их пригласили. И вообще — таких людей меньше. Всегда. И, как правило, они более пассивны.

МН: Вам не кажется, что вас иногда раздражают ваши собеседники? Стараясь быть максимально искренним и открытым, вы тем не менее играете с ними в некую игру, и пусть невольно, но порой все же чуть высокомерно.

— Наверное, иногда что-то прорывается. Я знаю, что способен состричь на чей-то счет, и не могу сказать, что этим доволен. Высокомерие? У меня нет ощущения, что я бываю высокомерным. Но если кто-то заметил — значит, есть повод. Обычно меня раздражает, если человек тратит время передачи на пустое. Это я могу оборвать. Однажды, помню, я захотел поставить на место одного молодого человека, потому что он в этом нуждался. Он был нагл необыкновенно.

МН: Вы сказали, что частная собственность — «скорее неизбежно, чем хорошо». Почему?

— Я не люблю то, что называется капитализмом, потому что это несправедливо. Неужели то, что я вижу в Америке или какой-нибудь другой развитой стране, и есть предел мечтаний человечества? Неужели демократия — и есть предел? Я очень люблю Нью-Йорк, я там вырос и знаю каждый уголок, — там есть такие места, где просто пахнет деньгами. Это трудно вам передать, это надо увидеть, — такое богатство не снилось здесь никому. Не снилось! И рядом — полная нищета, как в Калькутте.

МН: Вы идеалист?

— Может быть. Ну и слава Богу. Знаете, в двадцатых годах прошлого века умница из умниц, французский аристократ Алексис де Токвиль, чей отец, естественно, чуть-чуть не потерял голову на гильотине, поехал в Америку. Поехал, чтобы понять, что же такое демократия. Потом в своей замечательной книге «О демократии в Америке» писал: люди, живущие при демократии, не такие, как мы, аристократы. У нас было больше свободы. Поэтому мы умнее и блистательнее их, поэтому среди нас рождались гении — при демократии этого быть не может. Но наша свобода была за счет свободы большинства людей. А демократия

эту свободу разделяет на всех, поэтому ее меньше. А уж граждане Афин были вообще самыми свободными людьми, каких мы только знаем в истории, — но за счет рабов. Можно было сидеть, и думать, и читать, и развиваться, и не волноваться о хлебе насущном. Может быть, сейчас не модно упоминать Маркса...

МН: Почему же, привести ортодоксальный пример как раз очень модно.

— Так вот, все формации определены Марксом очень точно. И я верю, что будет когда-нибудь общественное устройство, которое обеспечит настоящую свободу для всех. Почему кто-то не должен быть свободен? Вот я — да, а ты — нет. Почему?

МН: Мне кажется, для тех людей, которые, по вашим словам, представляют большинство, это — философия, не более. Их волнуют проблемы, которые в масштабе эпохи выглядят невзрачно. Учительница московской средней школы, вероятно, не слишком обеспокоена низким уровнем государственных школ США. Скорее ее занимает то, что семья провинциального американского учителя живет в собственном коттедже и имеет несколько «фордов».

— Я могу с вами согласиться лишь отчасти. Во время недавней поездки по городам России и Украины я еще раз убедился в том, что людей очень волнуют так называемые философские вопросы. Меня часто спрашивали: куда мы идем? что нас ждет?

МН: По-моему, «что нас ждет?» — не из глобального, а из того же резонного прозаического ряда и означает лишь одно: когда «живой апельсиновый сок» на завтрак перестанет быть роскошью? Когда мы сможем жить хотя бы так же, как легендарный «средний американец»? Тут уж не до нищеты в Калькутте.

— Главное — как поставить вопрос. Моя за-

ДОСЬЕ «МН»

59 лет. Родился во Франции «от французской матери и сына эмигрантов из России». Во время второй мировой войны семья оказалась в США. Отец, согласно своим убеждениям, в 40-х годах принял советское гражданство, вследствие чего через несколько лет вынужден был оставить престижную и высокооплачиваемую работу. Вернуться во Францию не удалось, отцу отказали в визе: «не хватало им еще одного красного». В 1952-м переехали в Советский Союз. Владимир Познер окончил биофак МГУ, однако биологом не стал. Увлёкся переводами английской поэзии, был литературным секретарем у Маршака, работал в журналах АПН, радиокомментатором в редакции инноваций. В 1986 году приобрел широкую известность после телемоста Ленинград—Сиэтл. Стал политобозревателем ЦТ, в марте 1991-го подал заявление об уходе. Вскоре принял предложение Фила Донахью работать вместе и уехал в Америку, откуда в юности так стремился в Россию.

дача — сделать это так, чтобы люди, с которыми я беседую в студии, задумались о том, что все в мире так или иначе касается каждого. Это важно.

МН: Вы стали сегодня чуть ли не главным экспертом «по Америке». Что вы скажете на модную у нас точку зрения, что «американцы, конечно, ребята хорошие, но примитивные»?

— Американец менее образован, чем бывший советский гражданин. Там, скажем, никогда не считалось престижным иметь большую библиотеку. У них другие представления о том, что тебя украшает. Дом, машина, богатство (кстати, мы к этому идем семимильными шагами). А знания — нет. Америка как страна антиинтеллектуальна. В этом смысле правда то, что средний американец как бы более узко смотрит на мир, чем средний русский. Но они не глупее, уверяю вас. Просто их ум и энергия направлены в другую область. Хотя я мог бы сказать, что в Америке мне не достает возможности общаться на том уровне, на каком я общаюсь здесь.

МН: Вы можете теперь сравнивать «изнутри» и два телевидения.

— Профессиональный уровень нашего телевидения очень низок. На общенациональный экран во всем мире попасть очень трудно, а у нас работают люди, которые просто не знают, как это надо делать. Все нечисто как-то, висят какие-то нитки, не пришиты пуговицы. Если бы плохо сработали электрики, и случилось короткое замыкание, халтура, таким образом, оказалась бы на виду. А здесь как докажешь? Надо просто сказать: так нельзя делать. А кто-то ответит: а почему нельзя? Можно! И все. Телевидение заразилось общей болезнью — деньгами. Главное — сколько можно засунуть рекламы. Продается или нет? Остальное побоку. Кто-то из ведущих сказал: если мы не зарабатываем 18 миллионов в день, значит, день прошел зря. Этим все сказано. Потом, вероятно, появится желание работать более качественно, особенно если возникнет конкуренция. Но ведь ее до сих пор нет.

МН: У вас нет ощущения, что, работая за океаном, вы теряете некий «нерв» происходящего здесь?

— Есть. Как бы внимательно ты ни следил за событиями «оттуда», сколько бы ни прочитал газет, — есть вещи, которые проходят бесследно и восстановить невозможно. Это на уровне какого-то «кожного» чувства. Зато, работая в Америке, я приобретаю нечто иное — и как профессионал, и как участник (а не зритель) жизни другого общества. Но главное — у меня нет выхода. Я не могу работать здесь и играть в те игры, в которые играл когда-то.

МН: Вы считаете, это неизбежно?

— Ну только не надо делать наивные глаза и задавать этот вопрос. Вы хотите сказать, что вы этого не видите?

МН: Я думала, сейчас в них играет только тот, кто хочет.

— Кто не играет, тот не работает на этом телевидении.

МН: А в Америке у вас нет «хозяина»?

— Есть. Но там не одно телевидение, и не два. И потом, этот хозяин на жизнь сотен миллионов людей, живущих в Америке, по сути, не влияет. Это частное лицо. А здесь власть контролирует телевидение. Профессиональный же долг журналиста, на мой взгляд, внимательно следить за властью и оппонировать ей. Иначе — конец света, что у нас уже было. Но как оппонировать, когда власть сама, повторяю, контролирует телевидение? Не даст она.

МН: Вы не рассчитываете, что ваш авторитет защитит вас?

— Скорее, напротив. Поскольку человека с авторитетом могут и послушать, ему могут и поверить!

МН: Значит, вы будете работать в Америке?

— Пока да. А что вы мне предлагаете?

МН: Вы болезненно воспринимаете это «пока»?

— Да, я хотел бы работать здесь.

МН: Почему?

— Потому что здесь происходит что-то. Там ничего не происходит. И не скоро произойдет.